

42

$\frac{2}{15-6}$

ISSN 0321-1878

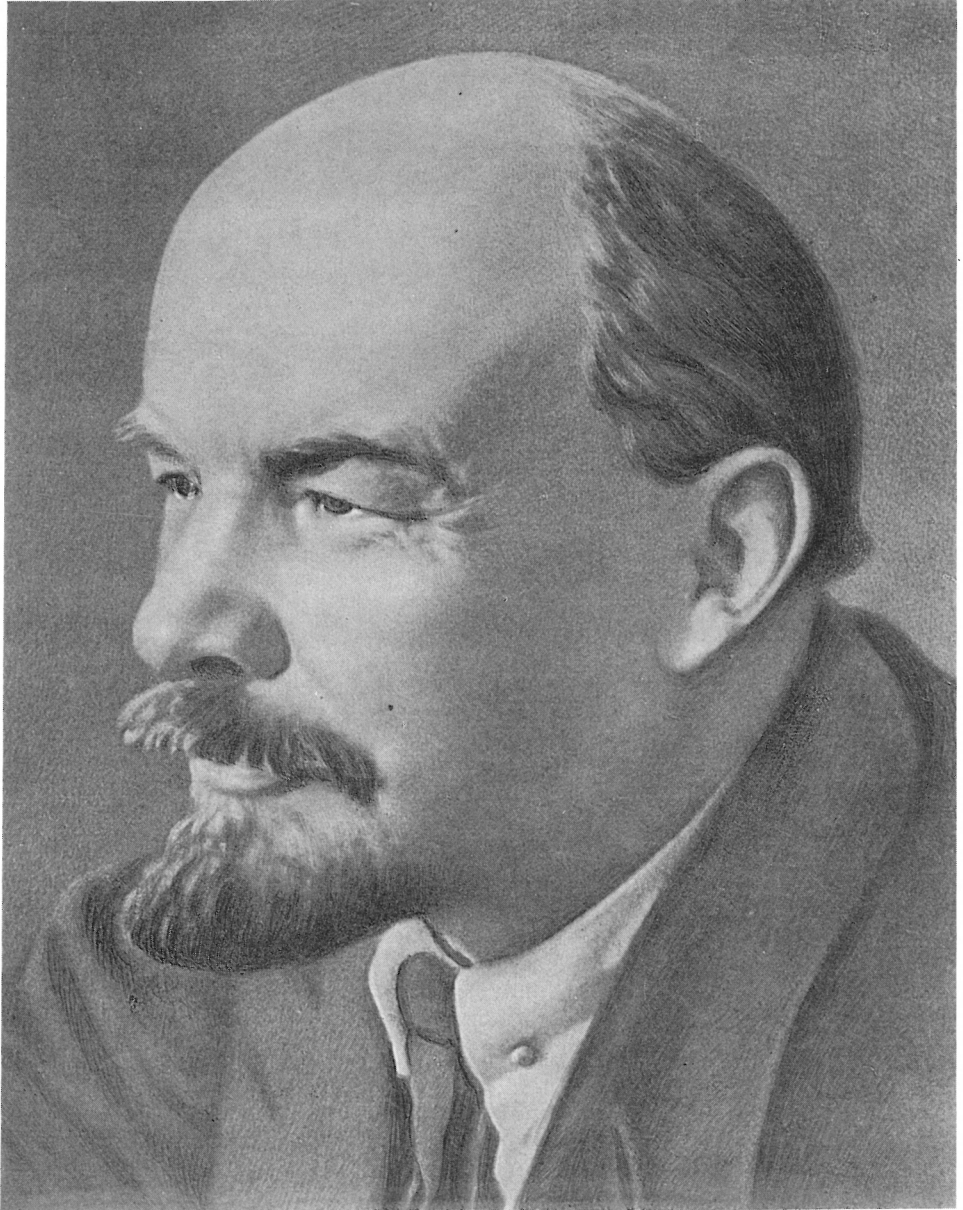
802-87

1357-2 (N11)

Голоса



11 · 1987



ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ



Звезда

11
ноябрь
1987

О Р Г А Н С О Ю З А П И С А Т Е Л Е Й С С С Р

ИЗДАЕТСЯ С ЯНВАРЯ 1924 ГОДА

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ЛЕНИНГРАД

Эрнст Генри

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО БОННСКОМУ ГЕНЕРАЛУ ¹

Имя Эрнста Генри хорошо известно советским читателям. Люди старшего поколения помнят, какой резонанс имели его блестящие довоенные книги «Гитлер над Европой» и «Гитлер против СССР», в которых он почти безошибочно развернул сценарий трагических событий второй мировой войны, развязанной германским фашизмом.

Жестокий опыт войны далеко не для всех на Западе послужил уроком. В стремлении во что бы то ни стало вооружить бундесвер ракетами, способными нести ядерные заряды, ухо историка безошибочно слышит ноты реваншизма.

Все ли военные круги в ФРГ понимают, какой катастрофической опасностью чревато бурное развитие военных монополий, создающих смертельное оружие?

Эрнст Генри обращается с открытым письмом к Генералу «старой школы», пережившему ту, прежнюю войну. В наше время, когда прогрессивные силы напряженно ищут новых подходов к взаимопониманию, пора осознать, предостерегает он, консерватизм и близорукость военных кругов ФРГ могут обернуться трагедией для их страны и для мира в целом.

Г-н Генерал.

Город, из которого я пишу, находится географически совсем близко к Вашему городу, на расстоянии трех часов полета. Политически он так далек, что измерить дистанцию невозможно. Астроном скажет, что наши города как бы на разных планетах, физик — что мы живем в разных измерениях. Такова причудливая действительность нашего времени, которой люди грядущих веков не перестанут удивляться; такого еще раз не будет. Но говорить друг с другом люди из наших противоположных миров все же могут и, надо думать, даже должны: иначе дело может плохо кончиться для всех. Вот почему я и пишу Вам из другого политического измерения.

Пишу не для того, чтобы упрасивать Вас о чем-то: генералов, тем более немецких, как правило, не упрасивают. Пишу и не для того, чтобы попытаться завербовать Вас на сторону моей собственной политической философии. Я знаю, это было бы

бесплезно, Вы прожили долгую жизнь и свою философию, противоположную моей, менять не будете. Но, может быть, находясь на расстоянии в миллионы политических километров друг от друга, людям современности стоит разговаривать хотя бы ради одного: ради того, чтобы не довести философскую противоположность до термоядерного взрыва.

Вы не любите мой политический мир. Я не люблю Ваш. Я думаю, что он скоро кончится навсегда и что сейчас он уже бледнеет и угасает. Может быть, Вы чувствуете это сами; возможно, что нет. Вероятно, Вы верите или надеетесь, что Вашему миру все же каким-то образом — силой, хитростью или чудом — удастся выжить и пережить мой. Я в это не верю: все, что я видел и знаю, говорит за то, что жизнь решила иначе и решения не изменит. Но пишу я Вам о другом.

Я знаю, г-н Генерал, Вы принадлежите к старшему поколению немецких офицеров. Не к тому, которое было пригрето и выдвинуто Гитлером в 40-е годы, а к более раннему. Вы один из тех, кто прошел жестокую школу Секта, создателя рейхсве-

¹ Полностью будет опубликовано в книге Эрнста Генри «Заметки публициста» (Издательство АПН).

ра. Вы знали Гаммерштейна, Фрича, Шлейхера, Бека, строивших будущий вермахт еще до Гитлера. Стопроцентные нацистские генералы типа Кейтеля, Моделя или Шернера были для Вас выскочками и парвеню; при этом даже не очень хорошими солдатами.

Вы — офицер старой школы и гордитесь этим. Ваши традиции — не от фюрера, а от Клаузевица, старого Мольтке и Шлиффена. Форму Вы надели при Вильгельме II. Вы помните здание военной академии на Унтер-ден-Линден в Берлине; помните классные комнаты еще в годы, когда высшей школой германского генерального штаба командовал старый генерал Мантейфель.

Вы любите военное дело. Любите строгую организованность, железную дисциплину, четко марширующие шеренги. Вид монолитной, отбивающей шаг колонны солдат действует на Вас почти с такой же силой, как музыка. Вы любите точные, аккуратные, до последних деталей разработанные планы, в которых не должно быть ни одной оплошности, ни одного упущения и выполнение которых должно осуществляться по часам и минутам. Вы считаете, что военное дело будет существовать в мире всегда, пока живет человек. Я этого не считаю. Тем не менее мне кажется, я Вас понимаю.

Я готов допустить и другое. Для Вас нет сомнений, что Вы любите свою страну; что именно интересы Германии, а не одной лишь военной касты, для Вас превыше всего. Все, что Вы делаете, считаете Вы, делается только ради Германии.

Я Вам верю и в этом: так, по крайней мере, Вы мыслите. Прежде всего Вы видите в себе немецкого патриота. И вот почему мне и хочется задать Вам прямой вопрос. Часто ли приходит Вам в голову мысль о том, куда Вы ведете Вашу страну?

Вы не политик, я знаю. Вы — военный человек, старый дисциплинированный солдат и занимаетесь открытой политикой считаете не своим делом. Вы знаете цену тем немецким генералам, которые играли в нацистскую политику, и Вы видели, чем они кончили. Ваше дело, скажете Вы, только в одном: стоять на сторожевой башне, глядеть вдаль и вокруг и готовить отпор тем, кто хочет зла Вашей стране.

Вы утверждаете — и Ваш голос повышается, когда Вы говорите об этом, — что никогда не участвовали в заговорах нацистов, никогда не были душой с ними. Вы служили фельдмаршалу Гинденбургу, потому что он был законным главой государства — рейхспрезидентом Германии и верховным главнокомандующим рейхсвера. Вы подчинились Гитлеру, так как Гинденбург назначил его канцлером, а затем он стал во главе рейха. Вы шли за Гитлером и в годы второй мировой войны, потому что воевать — Ваша профессия и командовать немецкими солдатами — смысл Вашей

жизни. Вы верили в победу Германии, ибо верить в иное не могли.

Но когда Вы увидели, что Гитлер ведет Германию к небывалому военному поражению, Вы все же позволили себе сделать исключение из Ваших правил и традиций. Вы изменили военному долгу в формальном понимании устава. Вы стали на сторону тех, кто в июле 1944 года, за 9 месяцев до капитуляции Германии, попытался устранить Гитлера. Их повесили на железных крюках в тюрьме Плётцензее. Вы остались жить, так как Ваше участие в деле своевременно не было раскрыто, и воевали до конца.

Вы не были стопроцентным гитлеровцем, Вы были солдатом и, по своему разумению, немецким патриотом. Пусть так, г-н Генерал, я не буду спорить об этом и навязывать Вам свою собственную оценку прошлого. Человек из противоположного мира все еще пытается понять Вас, видеть таким, каким Вы видите себя сами. Но что-то в Вашей позиции остается неясным, в каком бы политическом мире ни находиться, с какой бы точки философского пространства ни глядеть.

В один, решающий момент Вашей жизни Вы, профессиональный солдат, вмешались в политику. Вы сделали это тогда, когда убедились, что политика Вашего начальства прямым путем ведет армию и страну к гибели.

Разве Вам, именно Вам как генералу, неясно, чем во второй половине нашего века должна кончиться попытка реванша для ФРГ?

Я уже сказал, что искренне пытаюсь понять Вас. Я ставлю себя на Ваше место, обращаюсь мысленно к миру германского прошлого, к его идеологии, к его психологии, вспоминаю Клаузевица, Шарингорста, старого Мольтке и спрашиваю себя: на что рассчитывает человек, которому адресовано это письмо?

Он знающий военный. Он учился у Ганса Секта и Людвига Бека. Он привык мыслить методически и точно, сохранил зрение и слух. Что видит он в будущем? Что слышит в настоящем? Ведь речь идет о самом главном, решающем для того, для чего он жил. Чего ждет он от атомной бомбы — для своей родины?

Вы любите подсчитывать, г-н Генерал. Подсчитаем. На разгром кайзеровской армии, в которой Вы были младшим офицером, ушло 4 года и 3 с лишним месяца. На разгром вермахта, в штабах которого Вы работали, потребовалось, считая с сентября 1939 года, 5 лет и 8 с лишним месяцев. Сколько, по Вашему мнению, часов или минут потребуется для того, чтобы уничтожить боннскую республику, если она решится предпринять атомный реванш? У Вас уже составлены эти расчеты, г-н Генерал?

Идти на риск по принципу: смелым

многое удастся? Да, попытаться сделать это можно. В военном деле всегда налицо элемент риска. Нацист Розенберг утверждал: политика есть искусство сделать невозможное возможным. Но можно ли рисковать, когда имеешь дело не с танками, бомбардировщиками или линкорами, а с термоядерным смерчем? После него, говорят, почти ничего не остается — ни рядовых, ни генералов. Едва ли точно называть рискованную игру, в которой шансы на проигрыш равны ста процентам.

Не мне напоминать Вам о германской истории. С военной точки зрения Вы основательно изучали ее в академии на Унтерден-Линден. Я думаю, Вы согласитесь по крайней мере с одним. За всю свою тысячелетнюю историю Германия еще никогда не стояла перед такой военной перспективой (отбросим политику!), как сейчас. На этот раз речь идет уже не о поражении, не о разгроме, а о чем-то качественно совершенно другом.

Вы специалист. Запугивать таких людей, как Вы, не приходится: им слишком хорошо известно самим, о чем ведется разговор. Вы знаете, что значит ядерный смерч для ФРГ. Но продумали ли Вы эту мысль в самом деле до конца, до последней точки: если западно-германский реваншизм все же возобладает у себя дома и набросится на мир, дело может кончиться тем, что немцы ФРГ еще в нашем столетии превратятся в вымершее или вымирающее племя, о котором потом будут вспоминать как об ацтеках или могианках.

Вы готовы пойти на такой риск?

Если нет, то трудно понять, на что, собственно, Вы рассчитываете, гоняясь за атомным оружием. На какой-то новый, исправленный, сверхсовершенный «план Шлиффена»? На переработанный, перерисованный, переверстаный «план Барбаросса»? Или, быть может, на предельно «гениальный», магический «план Икс»?

Немецких генералов из Вашего круга нередко называли маньяками. Разрешите мне не считать Вас таким. Вы видели и пережили многое. Может быть, Вы найдете время еще раз оглянуться на прошлое и взглянуть в настоящее. Вдуматься в будущее я Вас не приглашаю. Оно в другом политическом измерении.

Неясно и то, на что Вы надеетесь, если, требуя для себя ядерного оружия, не намерены его применить. Так иногда утверждают в Вашем кругу. Искусство ради искусства? Просто-напросто вооружаться, наращивать армию, маршировать? Помните, что писал когда-то старый прусский генерал Зольдерн: «Хотя предписывается маршировать со скоростью 76 шагов в минуту, по зрелом размышлении и многократном наблюдении пришел я к тому, что 75 шагов в минуту будет лучше».

В те времена некоторые немецкие генералы действительно считали, что шансы

Германии на победу в какой-то мере зависят от числа солдатских шагов в минуту. Теперь, видимо, умы примерно того же склада полагают, что, добавив к маршировке и муштровке атомную бомбу, они решили военную проблему для ФРГ. Но ведь военная истина в другом. В современную эпоху реваншистская война и существование ФРГ взаимно исключаются. Суть именно в этом.

Я не хочу считать Вас маньяком, который органически не способен это понять. И я еще не верю, что Вы втайне согласны с Гитлером, который сказал 27 января 1942 года: «В одном отношении я абсолютно хладнокровен. Если германский народ не готов рискнуть собой, ну что ж, пусть тогда он исчезнет».

Вам нужны авторитеты? Назвать их нетрудно. Вы не коммунист и никогда им не станете. Никто этого от Вас и не ожидает. Я не буду называть ни Маркса, ни Энгельса, ни Ленина. Назову Ваших собственных учителей.

Говорят, что Вашей настольной книгой по сей день является труд Клаузевица «О войне». Это умная книга, и она все еще интересна, хотя ей уже более 150 лет. Клаузевиц учил, что война «есть не что иное, как продолжение государственной политики иными средствами». Вы не согласны с тем, что продолжением ядерного авантюризма для боннской республики была бы уже не политика, а бездна?

Один из тех, кто когда-то считался Вашим другом, генерал Отто фон Штюльпнагель, впоследствии покончивший самоубийством, писал незадолго перед капитуляцией Германии: «Никакое поражение не является окончательным. Поражение — это лишь уроки, которые нужно усвоить, готовясь к следующему, более мощному удару». Когда-то с этим действительно можно было согласиться — в абстракции. Но считаете ли Вы, что, потерпев поражение в ядерном реванше, ФРГ сумеет когда-либо вновь кого-либо ударить — хотя бы одним пальцем?

Думаю, Вы согласитесь с тем, что двумя самыми преуспевающими германскими генералами за последние сто лет были Мольтке-старший и Сект. Примечательно, что и тот и другой, жившие в разные эпохи, но с одинаковой компетентностью разбиравшиеся в военной политике, самым настоящим образом выступали против военных авантюр Германии на Востоке. Мольтке горой стоял за Бисмарка, когда тот потребовал добрососедских отношений с Россией. Он исходил не из каких-либо симпатий к русским, а из военных соображений. Несколько поколений спустя глава рейхсвера Сект заявил: «Судьба Германии неотделима от судьбы России. Быть может, это будет своевременно понято».

Сект был несравненно умнее Гитлера. Если бы в 30-х годах вермахтом командовал

он, едва ли история Германии сложилась бы так, как при фюрере. Слова эти были сказаны им накануне его смерти в 1936 году, когда военная мощь Советского Союза не входила ни в какое сравнение с его нынешней мощью и удельным весом, когда не было ракетно-ядерного оружия и, наконец, когда к востоку от Эльбы не существовало социалистического германского государства. Теперь, спустя более 40 лет после решительного поражения, нанесенного вермахту Советской Армией, Сект, надо думать, просто высмеял бы, если не проклял, тех, кто думает о новых авантюрах на Востоке. Он был очень знающий военный.

Я кончаю, г-н Генерал. Как уже сказано, предлагать Вам усомниться в основных Ваших принципах я не собирался. Но попытаться напомнить Вам о некоторых военно-политических аксиомах, спрятать, стереть или перечеркнуть которые не может никто, я хотел. Аксиомы эти действительны для обоих политических измерений и, следовательно, быть может, побудят задуматься и Вас.

Быть может! Я, человек из противопо-

ложного мира, не питаю иллюзий. Возможно, Вы устали думать и рассуждать. Не исключено, что Вы уже действуете по инерции. Но человек, не замечающий, как быстро жизнь проносится мимо, может остаться далеко позади, так далеко, что жизнь больше не захочет иметь с ним дело.

Вы всегда любили славу. Исключаете ли Вы, что Ваше имя будет когда-нибудь записано на страницах истории Вашей страны в одном ряду с именами тех, других, кто приказывал немцам пойти на риск исчезновения?

Под конец один — только один — вопрос, на который не знаю можно ли ждать ответа. Все ли вы по-прежнему решительно стоите за кулисами командования бундесвера в пользу ядерного вооружения ФРГ? Или же, как в последнее время очевидно, некоторые из Вашей группы начали передумывать вопрос в связи с новыми мирными предложениями Советского Союза?

Мир уже не боится Вас, г-н Генерал. Но помочь делу мира, а тем и своей стране Вы все еще можете.

Мне близка идея «слияния литературоведения и беллетристики, философско-исторического подхода и остросоциальной публицистики», о которой напомнил на страницах «Звезды» Карен Степанян. «Слияние», «синтез» — волшебные слова, в наших статьях они не только определяют свойство, но и как бы сигнализируют о качестве («на пути к синтезу», «в поисках синтеза», по мнению критиков, литература находится постоянно). Практика, однако, показывает, что этот искомый синтез часто оборачивается эклектикой: «беллетристика» вторична и необязательна, «литературоведение» неполно и тоже неоригинально, взято из вторых рук. Никакого слияния между ними в таком случае не получается, они лишь мешают друг другу. Если идти не от искомого идеала, а от сегодняшней реальности, то следует, кажется, признать, что самые интересные явления в области биографической литературы возникают как раз на полюсах. Средняя, наиболее накапанная дорога редко ведет к успеху.

Наш разговор начинался с констатации широты и многообразия героев, с которыми знакомит серия «Пламенные революционеры». С сожалением следует заметить, что именно революционно-демократическая традиция пока представлена в ней достаточно узко. В этой «микросерии», в отличие, скажем, от декабристской или народо-вольческой, отсутствуют многие необходимые звенья. Книги о Чернышевском и Михайлове пока не поддержаны повестями о других замечательных шестидесятниках: «социалистическом Лессинге» Добролюбова (а повод был, в прошлом году мы отметили 150-летие со дня его рождения), блистательном Писареве, успевшем за свои двадцать шесть лет изведать и мгновенную славу «кумира молодого поколения», и казематы Петропавловской крепости, Николае Шелгунове, наиболее последовательном хранителе традиций 60-х годов в последующее десятилетие. Книга о Лаврове безусловно должна встать в ряд с жизнеописаниями других народных героев теоретиков Ткачева, Михайловского, без которых эта эпоха непредставима.

Вызывает некоторое удивление и другое обстоятельство. В широком — широчайшем! — кругу пишущих для серии авторов меньше всего (во всяком случае, если говорить о русской истории) профессиональных историков, литературоведов, философов. Они напишут скудно, неподходяще для «широкого читателя»? Но кто это проверял? Немногочисленные исключения (работы Н. Эйдельмана, Ю. Давыдова, который за годы архивных занятий стал историком-профессионалом и параллельно

с повестью о Лопатине выпустил строго научную книгу о нем) доказывают скорее обратное. Жанр романа-исследования доступен скорее всего хорошо владеющему материалом профессионалу, не это ли причина его столь скупого представительства в серии?

И еще один заставляющий задуматься нелегкий вопрос. Почему все-таки книги серии, даже получая «теплую прессу», за редкими исключениями («Нетерпение» Ю. Трифонова, «Две связки писем» Ю. Давыдова), не становятся фактом литературного процесса в целом? Иногда кажется, что серия существует в каком-то ином, падающем режиме, что важность и значительность тематики становится причиной снижения эстетических критериев.

В этой прозе позволено многое, что не пройдет в прозе «обычной». Можно десять раз на странице употребить слово «писал» — и не с «хемингуэвским» нагнетанием напряжения, а просто по недосмотру. Можно столь же уныло — десятки раз! — вводить исторический материал однообразным «из России сообщили», «из Швейцарии сообщили», «из Петербурга сообщили», «газеты сообщили» и т. д. и т. п. без конца. Можно абсолютно одинаково изобразить в двух разных повестях сцену смерти героя: «И вдруг он рухнул» (это о Белинском); «Рухнул на постель. И его не стало» (а это уже о Герцене). Можно десятки страниц посвятить жизни какому-нибудь историческому лицу, лишь случайной фразой связав ее с биографией главного героя.

Не думаю, что некоторые авторы с легким сердцем могли бы включить повести в свое избранное. Уровень разрыва между «просто» прозой и прозой «серийной» в ряде случаев оказывается достаточно велик. Кажется, что обращение к высокой теме должно повышать ответственность и пишущего, и редактирующего. Практика, к сожалению, дает примеры и противоположные.

«Марксизм, как единственно правильную революционную теорию, Россия поистине в с т р а д а л а полувековой историей неслыханных мук и жертв, невиданного революционного героизма, невероятной энергии и беззаветности исканий», — сказал Ленин. «Выстрадала» — очень точное и жесткое слово. И как важно не потерять этот трагический пафос истории, не утопить его в вялом пересказе мемуаров или холодной беллетризации, как важно рассказать о тяжком пути русской революционной идеи если не с адекватной мерой таланта (тут уж как бог даст!), то хотя бы с той же мерой ответственности за сказанное слово.

СОДЕРЖАНИЕ

Глеб ГОРБОВСКИЙ. Каникулы в конце лета. <i>Повесть</i>	3
Наш краснофлагий Октябрь. Стихи Игоря ЗАПАДАЛОВА, Николая ЧЕХОВА, Ювана ШЕСТАЛОВА <i>в переводе Виктора Максимова</i> , Льва КУКЛИНА, Соломона ФОГЕЛЬСОНА	76
Эрик ХАНБЕРГ. Элла, надень очки! Кондиционные быки. Я не мог застрелить корову. Кровать-качель. <i>Рассказы. Перевод с латышского Валды Волковской</i>	79
Наш краснофлагий Октябрь. Стихи Ризы ХАЛИДА <i>в переводе С. Макарова</i> , Всеволода АЗАРОВА, Ильи ФОНЯКОВА, Афанасия БРОДИЛОВА, Анатолия ЧЕПУРОВА	93
Юрий ПОМПЕЕВ. Октябрь семнадцатого. <i>Роман-хроника (Продолжение)</i>	96

ПУБЛИЦИСТИКА

Н. МИХАЙЛОВСКИЙ. Мой друг — «Марат»	129
ЛЕНИНГРАД: ЛЮДИ. ДЕЛА. ПРОБЛЕМЫ. А. ИТИГИН. Рядовой боец перестройки	136
ЖУРНАЛИСТСКИЙ ПОСТ «ЗВЕЗДЫ» Ленинград — Саяно-Шушенская ГЭС <i>От редакции.</i> Министерства отделались отписками	142
Н. НЕУЙМИНА. Енисей и люди. Рецензия на книгу В. Рушкиса «Радуга в каньоне»	144

ЗА РУБЕЖОМ

СССР глазами французских писателей (Р. РОЛЛАН, Анри БАРБЮС, Эжен ДАБИ). Предисловие доктора филологических наук В. Балахонова	147
Игорь ФЕСУНЕНКО. Пока живу — работаю (Рассказ об Оскаре Нимейере).	156
Эрнст ГЕНРИ. Открытое письмо боннскому Генералу	166

ВОСПОМИНАНИЯ

И. ЭВЕНТОВ. «Баснописец четвертого сословия»	170
Георгий ХОЛОПОВ. Авторы, книги, читатели	179

КРИТИКА

Игорь СУХИХ. Ответственность перед темой (Книги о революционных демократах в серии «Пламенные революционеры»)	199
---	-----

**В ПЕРВЫХ НОМЕРАХ
1988 ГОДА
ЧИТАЙТЕ:**

Л. ВИННИЦКИЙ.

Страницы жизни маршала Говорова.

С. ТХОРЖЕВСКИЙ.

Счастливый и везучий. Повесть.

Р. КИРЕЕВ.

Приближение к Таганрогу. Повесть-эссе.

Б. И. ФОМИН, генеральный директор ЛПЭО «Электросила»
им. С. М. Кирова.

Еще раз о перестройке.

И. ОДОЕВЦЕВА.

На берегах Невы.

Ж. СИМЕНОН.

Промах Мегрэ. Роман.

Воспоминания об А. Ахматовой, С. Маршаке, А. Беляеве.

Главный редактор Г. К. ХОЛОПОВ

Редакционная коллегия:

Л. Э. ВАРУСТИН (первый зам. главного редактора), А. А. ГОРЕЛОВ, В. С. ДЯКИН, П. В. ЖУР, А. Г. КАЛЕНТЬЕВА, В. Н. КУЗНЕЦОВ, Г. А. НЕКРАСОВ, Н. К. НЕУМИНА, Г. Ф. НИКОЛАЕВ, М. М. ПАНИН, Н. Н. СКАТОВ, А. А. ФУРСЕНКО, А. П. ЭЛЬЯШЕВИЧ

Ответственный секретарь О. А. ЛЮБИН

Корректоры: Л. Н. Комарова, О. А. Назарова

Технический редактор В. Т. Молоткова

Адрес редакции: 191028, Ленинград, Моховая, 20

Телефоны: главный редактор — 272-89-48, заместитель главного редактора — 273-76-92, первый заместитель главного редактора — 273-52-56, ответственный секретарь — 272-71-38, зав. редакцией — 273-37-24, отдел прозы — 272-18-15, отдел публицистики — 279-33-74, отдел критики — 273-74-91, отдел поэзии — 279-30-41

Издательство «Художественная литература»

Сдано в набор 16.07.87. Подписано к печати 11.09.87. М-38510. Формат 70×108¹/₁₆. Бумага тип № 2. Печать высокая. 18,2+1 вкл.=18,3 усл. печ. л., 18,5 усл. кр.-отт., 23,856+1 вкл.=23,925 уч.-изд. л. Тираж 140 000 экз. Заказ 766. Цена 90 коп.

Ордена Октябрьской Революции, ордена Трудового Красного Знамени Ленинградское производственно-техническое объединение «Печатный Двор» имени А. М. Горького Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли. 197136, Ленинград, П-136, Чкаловский пр., 15.

Сканирование - ?????????
DjVu-кодирование - Беспалов



55000

90 коп.

Индекс
70327



42

$\frac{2}{15-6}$

ISSN 0321-1878

802-87

1357-2 (N11)

Голоса



11-1987